

УДК 81'37

МОДАЛЬНОСТЬ. МЕТАФОРИЗАЦИЯ. МАСШТАБНОСТЬ И СВЯЗИ МЫСЛИТЕЛЬНО-ЯЗЫКОВЫХ КОНСТРУКТОВ

© 2009 г.

Е.В. Пучкова

Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского

lpuchkova@mail.ru

Поступила в редакцию 15.09.2009

Анализируются системные связи мыслительно-языковых конструкций на примере сравнения явлений модальности и метафоризации с целью выявления универсальных моделей построения алгоритмов действия в процессе опредмечивания, трансляции и осваивания смысла с помощью средств языка.

Ключевые слова: модальная партитура, модальный кластер, интерсубъективность.

Категория модальности исследовалась не одним поколением ученых-филологов. Вопрос об ограничении сферы функционирования данного феномена, как в языке, так и в речи, или, наоборот, о придании модальности статуса всеобъемлющего механизма, консолидирующей силы внутренней речи остается открытым. Необходимо заметить, что ориентация на рассмотрение широких системных связей языковых явлений, выявление универсалий, всеобщих мыслительно-языковых конструкций, обеспечивающих создание, трансляцию, восприятие и осмысление речевых сообщений, не без основания считается более актуальной, чем акцентуация узких терминологических отношений. Среди таких комплексных всепроникающих речевых языковых конфигураций, обеспечивающих оптимальность человеческого общения посредством языка, выделяется явление метафоризации и метафоричности, которые понимаются широко как акт и причина пробуждения рефлексии [11: 14] – универсальной мыслительно-языковой деятельности, обеспечивающей освоение опредмеченных в языковых средствах смыслов, создаваемых и передаваемых в процессе коммуникации [4].

Поскольку «сущностью языка является <...> деятельность одного индивида, направленная на передачу его мыслей другому индивиду, и деятельность этого другого, направленная на понимание мыслей первого» [8: 10], все наиболее общие механизмы, обеспечивающие плодотворное осуществление этой деятельности, должны иметь схожее или хотя бы соотносимое по ряду параметров основание. Можно проследить действие указанного принципа на примере соотношения характеристик метафорических

построений и модальных мыслительно-языковых смысловых комплексов.

С точки зрения философии объективного идеализма (Г. Гегель) метафора представляет собой способ «уведения в сторону» и при конструировании метафоры основной своей целью говорящий имеет вовлечение воспринимающего субъекта в процесс взаимодействия со значениями побочными, непосредственно к основному содержанию (как набору пропозициональных структур) не относящимися [11: 18]. Модальность в этой связи также не имеет «прямого» отношения к плану «голых» значений (значений как единиц только содержания, не смысла). Осваивая модальные компоненты глубинной структуры высказывания, реципиент вынужден отвлекаться от явно данного содержания пропозиции и погружаться в более тонкий план связей и отношений, которые в поверхностной структуре зачастую вообще вербально не выражены. Ср.: Е.В. Падучева относит противопоставления по модальности к вариативности на уровне глубинной структуры предложения-высказывания и рассматривает модальные модификации как «единственный источник различия смыслов» [14: 196–199].

Необходимо оговориться, что в данном случае сказанное скорее относится к субъективной, а не к объективной модальности. Относительно указанного разделения нет единого мнения, особенно в связи с выделением параметров взаимодействия модальности и предикативности. Например, В.З. Панфилов настаивает на удалении субъективной модальности (в отличие от объективной) из сферы описания содержания как пропозициональной структуры, отводя ей роль формально-грамматического показателя

(значения), отвечающего за разнообразие языкового оформления [15: 170], т.е. формы, а не содержания (точнее, смысла). С указанным утверждением нельзя согласиться, поскольку тогда необходимо признать, что человеческая субъективность в языке не выражается нигде, кроме формы избираемых для передачи мысли конструкций. Помимо того, общеизвестно, что в большинстве случаев вслед за изменением формы языкового выражения следуют необратимые изменения в транслируемом смысле, что осознается как при рецепции, так и при продукции текста. О диалектическом единстве формы и значения находим у Г.А. Золотовой [9: 140–141], социально типизированных языковых форм и смысла – у Г.В. Степанова [18: 59, 149], средств текстопостроения и опредмечиваемых в них смыслов – у Г.И. Богина [4: 75]. Ср. с мнением Г.Я. Солганика, который подчеркивает обязательное наличие субъективной модальности в любом высказывании [16: 103].

Приоритет субъективных характеристик в описании любого речевого построения представляется еще одним примером коммуникатороцентрического подхода к описанию явлений языка. Однако любая субъективность не лишена влияния всеобщего, социального. Даже язык, используемый в каждой конкретной ситуации общения индивидуально, является продуктом схожей деятельности многих поколений людей. Для обозначения такого типа субъективности, с нашей точки зрения, удобнее использовать термин «интерсубъективность» (личное в его совокупности и обусловленности всеобщим) [4: 33].

Следует подчеркнуть, что в большинстве из упомянутых работ модальность и средства ее языкового выражения рассматриваются в аспекте анализа организации предложения-высказывания. Необходимо также отметить интерес исследователей лишь к содержательной стороне описываемых явлений (вхождение модальности в содержание предложения как в некую субъектно-предикатную структуру, объединяемую в единое целое свойством предикативности) в отрыве от анализа смысловых конфигураций, формирующихся при взаимодействии содержаний предложений в тексте, а также случаев, когда реальное смысловое наполнение высказывания не соответствует представленным в нем содержательным связям (например, при возникновении коммуникативной имплицатуры). Попыткой включения модальности в ряд явлений с доминирующей смысловой компонентой можно считать понимание модальности, предложенное в трудах Г.И. Богина, который, исследуя модальный аспект взаимодействия

текстовых средств и выражаемых ими смыслов (т.е. модальность не в рамках отдельных предложений, а как текстовую категорию), указывал на наличие в тексте общего «модального смысла», который одновременно выступает в качестве объединяющей и дифференцирующей силы для смыслов частных. Модальность при этом рассматривается как условие надстраивания смысла над содержанием: «Модальность – самое начальное средство при обрастании содержания ситуацией, столь обязательной при смыслообразовании» [4: 151]. Каждый из способов представления смысла варьируется в зависимости от взаимодействующих с ним видов ситуационной модальной окраски. Так, смысл-знание может дополнительно окрашиваться модальностями категоричности, уверенности, предположительности, неуверенности, сомнения [4: 196]. Контекст ситуации рассматривается в качестве необходимой среды производимых модальных изменений и оказывается связанным с характеристиками конкретных коммуникантов. Таким образом, модальность может функционировать как метасмысловая категория, выражающая реальность только переживаемую, а не объективную или квазиобъективную, поскольку смыслы как оболочки человеческой субъективности всегда интенциональны, обращены на конкретного человека, а не на общечеловеческую массу безликих ориентиров [4: 128–129].

Здесь необходимо подчеркнуть свойство преобразования исходного, присущее модальности как основообразующая характеристика. При присоединении модальности исходный смысл модифицируется. Так, на микроуровне (уровне единичных смыслов) этому принципу соответствует соединение основного смысла и смысла-модализации (модального квантора), которые в совокупности образуют *модальный кластер*. Модальный кластер может состоять из нескольких тематически связанных смыслов, преобразуемых одним общим модальным квантором. Именно такие смыслы формируют *модальную партитуру текста*, т.е. начальную рамку для построения уникальной модели ситуативного понимания (понимания в данных ситуативных координатах конкретным субъектом) текста как вместилища как минимум трех модальных планов (об этом см. ниже). Иными словами, в качестве основного смысло-прагматического наполнения модальности признается ее организующая функция – модальность присуща любому (но не всякому) высказыванию, за которым, помимо некоего содержания, стоит определенный смысл, точ-

нее, открытое множество преобразуемых смыслов.

Объединение частных смыслов с модифицирующим их смыслом-модализацией в рамках модального кластера представляет собой новообразование-единство. Постоянное пополнение общего банка смыслов новообразованиями такого рода обеспечивает дальнейшее развитие внутренней смысловой парадигмы не только тех людей, которые вступают в непосредственное взаимодействие с тем или иным текстом, но общечеловеческого смыслового поля, а также языка как основного инструмента, его создающего и преобразующего. Язык не мог бы существовать, если бы он был закрытой системой, где все зафиксировано раз и навсегда, если бы не существовало возможности создания не прямых номинаций, и не было бы сопутствующих смысловых преобразований в речи. Ср. с пониманием поэтической функции языка у А.А. Богатырева [3: 22]. Следовательно, свойство преобразования, изменения как способ существования должно быть присуще всем наиболее общим принципам осуществления общения с помощью средств языка. Подобным образом тропические средства метафоризации могут рассматриваться как рычаг, запускающий механизм внутренних семантических преобразований [11: 59].

Таким образом, модальность как дополнительное смысловое поле (способ существования дополнительных, добавочных смыслов, надстраиваемых над всей текстовой содержательностью как совокупностью содержания и основной смысловой партитуры) может представлять собой некую область, активизирующую процесс синтезирования смысла как при продукции, так и при рецепции текста.

Необходимо также подчеркнуть обязательную множественность модального плана (целостной модальной смысловой партитуры). Множественность в данном случае следует понимать как наличие внутренней вариативности при соединении нескольких модальных кластеров в единый блок. Осознание дискретности и одновременной целостности модальной партитуры обеспечивается скачкообразными переходами рефлексивного действия от одного модального кластера к другому, что соотносится с метафорическим «зигзагообразным» мышлением и «метафорическим способом выражения» [11: 58]. При этом указанный процесс не имеет внутреннего предела: находящиеся во взаимодействии внутри кластера единичные смыслы постоянно развиваются под влиянием характеристик рефлексивной реальности кон-

кретного субъекта. Причем указанное развитие может происходить одновременно в различных направлениях. Так, в одном и том же высказывании множественность модального плана обеспечивает целостность и полноту создаваемой картины ситуации. Например: «Этот вопрос *мог бы, кажется*, и не обсуждаться». В этом предложении модальный план имеет три направления развития: в сторону выражения ирреальности (*бы*), разрешительности (*мог*) и предположительности (*кажется*).

Еще одной стороной соприкосновения метафоризации и модальности можно считать то, что метафоры обладают свойством генеративности, т.е. способностью к постоянной акцентуации новых граней смысла в процессе понимания [11: 64]. Модальный план высказывания (и целого текста) также обладает помимо описанного выше свойства саморазвития и свойством одновременной стимуляции реципиента к растягиванию выводимых из каждого отдельного кластера смыслов (застывающих, например, в виде знаний о структуре описываемых отношений). Свойством изменчивости обладают и сами смыслы-модализации. Примером этому могут служить разнообразные отношения, выражаемые одними и теми же модальными глаголами.

Добавочность, вспомогательность и одновременная обязательность, как высшая степень значимости, модального плана высказывания подчеркивается не только лингвистами, но и философами. Так, Э. Гуссерль отмечает, что минимальное содержание как некоторая предикация не может существовать сама по себе: «оно как получаемое в мысли содержание есть нечто не самостоятельное; оно всегда создается в пределах переменчивых характеристик, без которых никак не может обойтись нозма в ее полноте; оно создается под знаком "вероятного" или "возможного", "достоверного", "немыслимого" и т.п. – все это характеристики ... которые как корреляты специально передаются таким нозетическим моментом переживания, как признание возможным, вероятным, немыслимым и т.п.» [7: 89]. Это самое «признание» фиксируется в непосредственном речевом произведении и сохраняется в нем в виде структурированной схемы – некой цепочечной структуры, в узлах которой находятся модальные кластеры как соединения-сращения единичных преобразованных смыслов. Цепочечная линейная организация модальной партитуры позволяет организовать и упорядочить процесс освоения реципиентом общего смысла – общей модальной тональности отрывка: переходя от од-

ного звена к другому, рефлексивный луч наращивает потенциал нанизываемых на него нозм, что выводит воспринимающего субъекта в активную позицию, изменяя и преобразуя связи внутри онтологической картины его собственного опыта.

Модальность, как и метафоризацию, нельзя рассматривать лишь с позиций формальной или иной логики. Анализ и классификация разрядов языковых средств, используемых в качестве выразителей модальных значений (смыслов), а также включенности таких единиц в синтаксические модели, тоже не может считаться достаточным для проникновения в суть и раскрытия внутренних механизмов явления модальности. Что касается семантического (в терминах обмена, передачи или получения информации) и коммуникативно-прагматического аспектов (реализация коммуникативного намерения, наличия адресанта и адресата) [об этом см.: 12: 104–105], несмотря на очевидную ценность указанных подходов, их также нельзя назвать исчерпывающими. Остается вопрос: почему столь разнородные средства языка в речи выражают такие блоки отношений, которые большинством исследователей относятся к сфере функционирования феномена модальности? Если набор средств не отличается однозначностью соотносительности с категорией модальности (особенно с конкретным ее типом), можно ли говорить о максимально абстрактном, но все же типическом единстве выражаемого в «модальных» высказываниях содержания? Конечно, учеными, как в рамках логики, так в рамках лингвистики, были выделены, по крайней мере, три таких типа отношений: отношение высказывания к действительности, отношение говорящего к содержанию высказывания и отношение субъекта к предикатируемому ему предикативному признаку [9: 142]. Однако необходимо заметить, что в данном случае надсодержательные связи и отношения, как составляющие модальных смыслов (общечеловеческих и индивидуальных – связанных с конкретной ситуацией и интерсубъективными характеристиками участников общения), которые управляют всем процессом модализации речи, остаются неохваченными, выведенными за рамки лингвистического рассмотрения. Между тем, комбинации языковых средств конкретного текста способны предоставить данные о смысловой основе «модального» общения.

Интересно, что описания модальных значений для единиц выше уровня предложения теряют стройность и четкость, присущие работам, анализирующим предикативные единицы (как

некоммуникативные синтаксические образования) и предложения (способные актуализироваться в высказывании). Так, Г.Я. Солганик, рассматривая цепные строфы с модальными зачинами, указывает, что таковые характеризуются единым модальным «тоном»: «внутри отдельной строфы описание ведется как бы в одной плоскости» [16: 104]. При этом с непосредственным выражением единой авторской модальности оказывается связанным только начало строфы, оформляющее переход к новой мысли (модальности – Е.П.) с помощью местоимений 1-го и 2-го лица (*я, мы, мне, ты, вы*) или соответствующих личных форм глагола, а также слов категории состояния в сочетании с инфинитивом (например, *важно отметить*) [16: 104–107].

Исследования специфики возникновения и функционирования модальных ориентиров в крупных формациях высказываний, объединенных общей коммуникативной областью приложения, проводились и в прагматике. Например, М. Фуко, исследуя клинический дискурс, пришел к выводу о том, что внутри определенного типа дискурса высказывания будут объединены некоторой общностью – модальностью. Модальность высказываний внутри данной разновидности дискурса делает возможным само его существование. Так, установление в рамках медицинского дискурса *отношений* между неким множеством элементов, имеющих сложившийся медицинский статус (терминов, техник, институтов), а также новообразованием связей, возникших на базе пересмотра ролей взаимодействующих субъектов (обучающая роль врача) привело к выделению клинического дискурса [24]. В рамках такой интерпретации модальности остается не совсем ясным, является ли тот или иной тип дискурса одновременно типом модальности.

Изучению модальности в дискурсе исторически предшествовало исследование модальности как собственно текстовой категории [4-6; 12; 17; 20].

З.Я. Тураева, рассматривая связь процесса порождения и восприятия речи с модальностью, предлагает различать модальность высказывания и модальность как характеристику текста. При этом параметрами различения становятся:

1. экстенциональная (денотативная) истинность/ложность и интенциональная (понятийная, сигнификативная) истинность/ложность: подчеркивается, что художественный текст может быть интенционально истинным и экстенционально ложным в зависимости от приоритета реального или ирреального в тексте;

2. мономодальность/полиmodalность субъекта оценки: имеется в виду невозможность замены субъекта высказывания и многократное преобразование, а также смена субъекта в рамках текста;

3. эксплицитность/имплицитность: за модальностью на уровне высказывания закрепляется обязательная эксплицитность, тогда как модальность на уровне текста может не иметь непосредственного языкового выражения.

В этих координатах основные значения категории модальности (возможность, действительность, необходимость) постоянно претерпевают смысловые преобразования, что отражается на всей картине нашего опыта [20: 110–112]. Примечательно, что сам термин «модальность» оказывается связанным только с субъективной оценочностью, которой не исчерпывается весь спектр модальных значений.

В связи с этим следует выделить мнение О.С. Бочковой, согласно которому под модальностью текста нужно понимать манифестацию в тексте как материальном продукте идеальной субъективности автора – его устремлений, чувств, ценностных идеалов, оценок, которые он желает донести до читателя. Именно модальность текста является средством объединения разнородных средств, образующих текст, в единое смысловое целое [5].

Однако позиция и образ автора не являются единственной силой, организующей общую картину освоения смыслов текста. Процесс распределения смыслов также детерминируется наполнением онтологической конструкции реципиента, мерой его познавательной активности. Помимо того, неповторимая комбинация образующих текст средств со стоящими за ними смыслами дает возможность рассматривать текст в качестве самостоятельной смысловой парадигмы, направляющей процесс смыслообразования в определенное русло. Таким образом, субъект, воспринимающий и пытающийся понять некий текст, одновременно оказывается оператором сразу нескольких модальных структур:

- 1) модальности собственного «я» как системы его отношений к собственной личности;
- 2) модальности текста как сущности, создающей отдельную систему смысловых координат;
- 3) модальности ситуации мыследействования автора [о термине см.: 4: 37] как того «нея», с которым реципиент вступает во взаимодействие.

Однако рассмотрение модальности только в рамках текста не может обеспечить комплекс-

ности анализа всего феномена модальности, одновременно принадлежащего и языку, и мышлению. Интересной в этом плане представляется концепция возможных миров, согласно которой модальность может пониматься как средство и среда формирования действительностей, альтернативных «объективной» реальности, как вместилище возможных миров [2: 11, 18]. Миропорождение как неотъемлемая часть бытия человеческого сознания обеспечивается модальностью, которая выступает в виде задаваемых координат преломления, видоизменения реальности. Сдерживающим противовесом в этом процессе является онтологическая конструкция самого человека как хранилища накопленного опыта, моральных и иных ценностей [1: 18; 19: 424]. Данное суждение соотносится с описанием детерминации процесса смыслопостроения [см.: 4].

Нельзя также не согласиться с мыслью о том, что языковая система средств модальности упорядочивает процесс построения добавочных пространств (возможных миров) [2: 10], поскольку язык как то, что одинаково принадлежит всем членам определенного сообщества, существенно унифицирует процесс порождения и освоения смыслов.

Постоянное смыслопроизводство в контексте общей модальной партитуры включает в себе бесконечное число вариантов преобразования собственной картины мира. Помимо того, модальность как всеобъемлющий мыслительно-языковой механизм обеспечивает равновесие между мыслящим субъектом и миром (мирами), в которых он существует. Законченность мысленных цепей и их связанность также поддерживается сеткой модальной партитуры.

Здесь следует заметить, что сами по себе исконные значения слова «модальность» (*лат.* мера, способ) еще больше расширяют приведенные выше варианты трактовки этого термина, так как способ в языке может быть связан как с планом содержания (способы представления логико-психологических категорий сознания в понятийных категориях как средствах коннекции языка и мышления), так и с планом выражения (способ непосредственного языкового оформления речевого произведения), причем способ в данном случае предстает как нечто обязательное, центральное, направляющее. Мера, в свою очередь, как философская категория, определяющая границы, пределы взаимодействия некоторых явлений или сторон, характеристик одного и того же объекта, как, например, количества и качества и возможности их взаимного перехода [см.: 21: 211–212], оказывается

связанной с описанием наиболее общих и *основных* законов организации процессов смыслопостроения и речепорождения (ср. *мера* имплицативности/эксплицативности у Г.И. Богина).

Итак, проблема категории модальности тесно связана с планом содержания, а в терминах филологической герменевтики – с текстовой содержательностью как соединением содержания с его языковой предикативной основой и смысла, т.е. идеальной, лишь опосредованно связанной с языком формы существования намерений, переживаний, умственных состояний индивидуальных субъектов. При этом формируемые в процессе речепорождения и осваиваемые в процессе речевосприятия смыслы могут сильнее или слабее окрашиваться «я» говорящего. В связи с этим категория модальности в ее смысловой реализации представляет собой одновременно *меру и способ смысловой интерпретации человеческой субъективности*, точнее *интерсубъективности*. Мера в данном случае понимается как единица измерения [13: 280] предела взаимопроникновения человека и окружающего его мира, а способ интерпретируется как инструмент оценки индивидуальной детерминированности смыслов.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 8–42.
2. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2001. 86 с.
3. Богатырев А.А. Индивидуация интенционального начала беллетристического текста. Дисс. ... д-ра филолог. наук. Тверь, 2001. 372 с.
4. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. Тверь, 2001. – http://pall.hoha.ru/learn/bogin_bible/0.htm.
5. Бочкова О.С. Модальность как фактор формирования текста // Научный сетевой журн. «Теория и практика общественного развития». 2007. <http://www.teoria-practica.ru/?stat=1189966767>.
6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 137 с.
7. Гуссерль Э. Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии // Язык и интеллект. М.: Издательство иностранной литературы, 1996. С. 42–89.
8. Есперсен О. Философия грамматики: Перевод с английского В.В. Пассека и С.П. Сафроновой. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 317 с.
9. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 350 с.
10. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. 231 с.
11. Крюкова Н.Ф. Метафоризация и метафоричность как параметры рефлексивного действования при продукции и рецепции текста. Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 275 с.
12. Немец Г.П. Актуальные проблемы модальности в современном русском языке. Ростов н/Д: Издательство Ростовского гос. ун-та, 1989. 144 с.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1987. 750 с.
14. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса (Материалы к трансформационной грамматике русского языка). М.: Наука, 1974. 292 с.
15. Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М.: Наука, 1982. 357 с.
16. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. М.: Высшая школа, 1981. 182 с.
17. Солганик Г.Я. Стилистика текста: Учеб. пособие для студентов, абитуриентов, преподавателей-филологов и учащихся ст. кл. шк. гуманитар. профиля / Г. Я. Солганик. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2000. 252 с.
18. Степанов Г.В. Язык. Литература. Поэтика. М.: Наука, 1988. 382 с.
19. Столнейкер Р.С. Прагматика: Пер с англ. В.В. Туровского // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 419–438.
20. Тураева З.Я. Лингвистика текста и категория модальности // ВЯ. М.: Наука, 1994. № 3. С. 105–114.
21. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. М.: Политиздат, 1980. 444 с.
22. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. / Общ. ред. Бр. Левченко. К.: Ника-Центр, 1996. 208 с.

MODALITY. METAPHORISATION. THE SCALE AND RELATIONS OF THOUGHT-LANGUAGE CONSTRUCTS

E.V. Puchkova

This article presents an analysis of systematic relations between thought-language constructs. A comparison of the phenomena of modality and metaphorisation is carried out in order to identify universal models for building algorithms controlling the process of sense verbalization, sense transmission and sense re-interpreting using the language means.

Keywords: modal score, modal cluster, intersubjectivity.